

Игорь Пильщикова

Калифорнийский университет в Лос-Анджелесе
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
Таллинский университет
pilshchikov@ucla.edu

Денис Иоффе

Брюссельский университет
Denis.Ioffe@ulb.be

Igor Pilshchikov

University of California, Los Angeles
Lomonosov Moscow State University
Tallinn University
pilshchikov@ucla.edu

Dennis Ioffe

Université libre de Bruxelles
Denis.Ioffe@ulb.be

РУССКИЙ МАТ: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

RUSSIAN “MAT”: YESTERDAY, TODAY, AND TOMORROW

Введение в «научно-матерный кластер» журнала *Зборник Майице српске за славистику* повествует об обстоятельствах появления этого уникального собрания статей, посвященных специфичному набору тем, до сих пор не становившихся предметом широкого научного обсуждения. Помимо экскурса в историю изучения русского мата здесь рассматриваются отдельные лингвистические и культурные казусы, по разным причинам не вошедшие в основные работы кластера. Статья содержит краткий обзор проблематики этих работ.

Ключевые слова: мат в русском языке, литературе и культуре, динамика социальных функций мата, прагматика, перформативность.

The introduction to the special “obscene cluster” of the *Matica Srpska Journal of Slavic Studies* recounts the circumstances of the emergence of our unique collection of articles, which treat a set of topics that have hitherto not been accepted for wide scholarly discussion. In addition to an excursus into the history of the study of Russian obscene language, we also point toward several specific linguistic and cultural questions, which for various reasons have not been included in this forum. The article also includes a brief overview of the topics discussed in our cluster.

Key words: obscenities (*mat*) in Russian language, literature and culture, dynamics of *mat*'s social functions, pragmatics, performativity.

Блок статей, публикуемый в юбилейном 100-м номере журнала *Зборник Матице српске за славистику* (*Славистический сборник Матицы сербской*), посвящен мату в русском языке, письменности литературе и культуре с древних времен до наших дней.

История появления нашего блока сама могла бы стать предметом отдельного социологического или культурологического исследования. Немного авантюрная и не без детективного уклона, она живейшим образом воплощает кардинальные перемены в «общественно-политическом» отношении к мату, произошедшие в России за последнее десятилетие. Нет, материться меньше не стали. Но добытое было после падения советской власти вольное право на использование мата в современном кино и художественной литературе, на воспроизведение мата в сочинениях и письмах писателей-классиков, в публикациях фольклорных текстов и бытовых документов недавнего и стародавнего прошлого — не говоря уже о научном исследовании мата лингвистами, антропологами, психологами и социологами, — это право вновь оказывается под большим вопросом и с каждым днем всё больше утрачивается.

Наша коллективная научная история началась года три назад, когда российско-американский филолог Александр Жолковский во время поездки в Санкт-Петербург встретился с российским музыкантом, поэтом и шоуменом Сергеем Шнуровым, которому пришла в голову небанальная идея издать сборник научных статей о мате в русской культуре вообще и своих произведениях в частности (см. об этом в статье А. К. Жолковского в настоящем томе). Антиматерные законы к тому времени были уже приняты (см. обзор введенных запретов в статье И. А. Пильщикова, открывающей наш блок), что, однако, нисколько не мешало самому Шнурову исполнять на концертах матерные песни и публиковать снятые на эти песни видеоклипы, привлекающие десятки миллионов зрителей и слушателей. Однако общественная атмосфера, усугубленная ковидом и национально-патриотической политической повесткой, неуклонно сгущалась, и собранный в соответствии с первоначальной задумкой сборник статей, принятый в солидное петербургское научное издательство и полностью отредактированный, так и не вышел в свет¹. Издательство, заключившее договор со всеми авторами и даже выплатившее часть гонораров, по какой-то причине отказалось его выпускать. Через некоторое время наш том был официально предложен другому солидному академическому издательству, на этот раз московскому, но и оттуда ревнители матерщины и матерной словесности не получили не только утешительных вестей, но даже элементарного ответа. Похоже, при соприкосновении с трансгрессивно-опасным русским матом древний ужас (*terror antiquus*) охватывает теперь даже самых политически защищен-

¹ На встрече в петербургской ресторации, где обсуждалась идея этого новаторского сборника, помимо Шнурова и Жолковского присутствовали также Андрей Аствацатуров и директор петербургского издательства, на тот момент очень заинтересованного в данном проекте.

ных и финансово самодостаточных хозяев и хозяек российской интеллектуальной жизни.

Изучение русского мата внезапно «перестало» интересовать и научное сообщество. Когда один из авторов этого предисловия попытался напечатать в узкоспециальном сборнике статью о матерной фразеологии, его тоже постигло фиаско. Даже не постигло, а настигло — дотянулось в последний момент и заключило в свои костлявые объятия. Хотя состав сборника, редакторы которого приняли к печати «матерную» работу, был утвержден ученым советом столичного академического института, сам сборник должен был выйти (и вышел) в университетском издательстве — чтобы не показывать пальцем, скажем только, что не в московском и не в петербургском. Реакция провинциальных издателей была еще более откровенной и непосредственной, чем у их коллег в метрополиях. Срочным междугородним звонком они потребовали у редакторов изъять из сборника «непристойную» статейку. Между тем менее четверти века назад в *Вестнике* того же самого университета была опубликована работа, входящая ныне во все базовые исследовательские библиографии по русскому мату. Кажется, «деятели науки, образования и культуры» забыли завет И. А. Бодуэна-де-Куртенэ, который еще в 1875 году писал:

<...> неприличия исследователь языка не знает, и все слова для него одинаково приличны. Никакой кастрации и ханжества! Слова *бѣг*, *генерал* и т. п. так же хороши, как, например, *жѣна* и т. п. В этом отношении не следует брать пример ни с Даля, ни с Макарова, которые вследствие какой-то нелепой, монашеской или евнуховской, скромности, выбросили некоторые очень важные и интересные слова, о значении которых <...> читатель должен <...> судить по собственному разумению частным порядком. (Бодуэн-де-Куртенэ 1963: 143)

История российской науки XX века хорошо знакома с подобного рода казусом. Как известно, из русского научного перевода этимологического словаря Макса Фасмера были изъяты главные матерные слова:

Немецкое издание словаря Фасмера <...> включало в себя почти все основные непроизводные obscene лексемы. <...> [И]з первого русского издания были изъяты статьи на слова: «блядь», «ебать», «пизда» и «хуй», оставлены: «бздеть», «дристать», «дрочить», «жопа», «манда», «мудо», «пердеть», «срать», «сцать»> и добавлена статья на слово «елда». (Плуцер-Сарно 2005а: 202)

Кто же был виновником сокращения (или, по слову Бодуэна, «кастрации») фасмеровского словаря? Переводил и дополнял словарь О. Н. Трубачев, а редактором был назначен Б. А. Ларин. Из воспоминаний самого Трубачева (1978) как будто следует, что именно он «боролся за сохранение непристойной лексики, тогда как Ларин настаивал на ее исключении» (Успенский 1994: 54; ср. Плущер-Сарно 2005а: 202). По саркастическому замечанию Б. А. Успенского, это «едва ли не уникальный случай, когда лингвист настаивает на ограничении материала, исходя из внелингвистических сооб-

ражений» (Успенский 1994: 54). Однако прямого указания на «вину» Ларина в тексте трубачевских воспоминаний нет (Мокиенко 2003: 46–49). Мемуарист рассказывает, как он «предпринял усилия, чтобы убедить редакцию и дирекцию и не сокращать то, что в принципе дополнялось», и отдельно оговаривает, что заведующим редакцией, от имени которой было написано предисловие с оправданием купюр, был В. А. Звегинцев (Трубачев 1978: 21). Тем не менее задним числом мемуарист нашел аргументы в поддержку этого откровенно антинаучного решения. Трубачев усмотрел в борьбе с матерщиной «проявление целомудренности народа, его особой чувствительности к непристойностям в языковой сфере» (Успенский 1994: 54). По словам исследователя, такие слова «знаменуют, так сказать, антикультуру и особенно строго изгоняются из литературного языка и культурной жизни в эпоху массовой книжной продукции» (Трубачев 1978: 22).

Вековой запрет на публичный мат рухнул вместе с нерушимым Союзом, и в середине 1990-х казалось (теперь уже можно сказать — мерещилось), что общественное табу на мат ушло в небытие навсегда. Филологи и культурологи рассуждали о том, что этот архаичный запрет не имеет даже теоретических шансов на возвращение:

Таким образом, культурный вектор вполне определился. Возникает вопрос: что же теперь будет? Будет примерно следующее: легализация мата неизбежно должна привести к его превращению из особого языка в один из стилистических регистров русского литературного языка. (Зорин 1996: 136)

Казалось бы, к тому оно и шло. Были напечатаны без единой купюры самые высоконасыщенные матом произведения русской классики — *Девушка и игрушка* и *Тень Баркова* (Зорин, Панов 1992; Пильщиков, Шапир 2002). Полноценных научных изданий, наконец, удостоились «заветные сказки» и «заветные пословицы» (Афанасьев 1997), матерные эротические и политические частушки (Топорков 1995; Волков 1999). В печати появились исследования² и объемистые словари русской матерщины (см.: Баранов, Добровольский 2005 (первая публикация — 1995); Мокиенко, Никитина 2003 (более ранние варианты словаря — с 1995); Плущер-Сарно 2001, 2005б). Однако нет: два десятилетия спустя начался откат, и теперь ситуация с русским матом (хочется невесело пошутить: не «с матом», а «без мата») мало чем отличается от позднесоветской. О причинах такого отката историкам культуры еще предстоит размышлять. А символом восстановленного status quo стал диалог С. В. Шнурова и В. В. Путина на предновогодней президентской пресс-конференции 2020 года:

Окружающую нас действительность вполне возможно описать без мата. Об этом заявил на большой пресс-конференции президент России Владимир Путин, отвечая на вопрос представляющего телеканал RTVI Сергея Шнурова, поинтересовавшегося, как «простому русскому человеку» описать «эту

² См. прежде всего сборники «Анти-мир русской культуры» (Богомолов 1996) и «Злая лая матерная...» (Жельвис 2005).

жизнь, не используя ненормативную лексику». <...> «В принципе язык русский достаточно богатый для того, чтобы ясно и доходчиво выражать свои мысли, не прибегая к ненормативной лексике», — сказал Путин, поблагодарив Шнурова, известного активным использованием обсценной лексики на сцене и за ее пределами, за то, что он обошелся без мата на пресс-конференции. (Калюков 2020)

Из всего этого, конечно, никак не следует де-юре, что «ненормативную лексику» не нужно изучать. Но де-факто, как оказалось, следует. Через полгода последовал демарш, который поставил то ли точку, то ли многоточие в новейшей истории делегитимации мата в России. Указом Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» мат включен в число прямых угроз стабильному существованию страны:

Защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти обеспечивается путем <...> защит[ы] и поддержк[и] русского языка как государственного языка РФ, усилен[ия] контроля за соблюдением норм современного русского литературного языка, пресечени[я] публичного исполнения, распространения через средства массовой информации продукции, в которой содержатся слова и выражения, не соответствующие указанным нормам (в том числе нецензурная лексика). (п. 93.12) (<http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202107030001?index=37>)

Остался один путь — опять публиковаться за границей. Действительно, нам не привыкать. *Русские заветные сказки* Афанасьева печатались в Женеве, цветы *Русской потаенной литературы* расцветали в Лондоне, *Тень Баркова* впервые вышла в Венеции, а *Николай Николаевич* и *Кенгуру* — в Энн Арборе. Тем более, что название приютившего нас журнала, выходящего под грифом «Матицы сербской», связано с проблемами матерщины отношениями паронимической и этимологической аттракции (ср. замечание А. К. Жолковского во второй части его статьи). Кстати, одна работа из нашего неосуществленного издания уже была опубликована именно здесь — в 98-м томе *Славистического сборника* (Россомахин, Замятина 2020). Так что и на точку, и на многоточие наш «великий, могучий, правдивый и свободный русский язык» (Тургенев 1982: 172) дает один ответ — «две точки с запятой» (Пушкин 1937: 296).

Внешне монолитный ряд метаязыковых обозначений мата: *мат*, *матерная ругань (брань)*, *матерщина* — *ругаться матом*, *крыть матом*, *материться*, *матюгаться* — *выражаться матерно*, *по-матерну*, *по матери* (Kauffman 1980: 274–275; Кожевников 2003: 339–340) — генетически гетерогенен. В нем представлены два этимона — *мат-* (базовое существительное — *мат*) и *матер-* (базовое существительное — *мать*). Связь «мата» и «матери» — опосредованная, этимологически они не родственны, однако ассоциируются друг с другом паронимически и семантически. *Мат* в современном языке — это ‘грубая брань’, но первоначально это слово обозначало ‘громкий голос, крик’; такое значение сохранилось в белорусском языке, в русских диалектах, а также в общерусской идиоматике — в выра-

жении «*кричать благим матом*» (ЭССЯ 1993, 18: 10–11; Вечеслова 2007: 91). Более глубокие этимологические связи *мата* (см. о них: Jakobson 1955: 613; ЭССЯ 1993, 18: 10–11; ср. ЭССЯ 1990, 17: 235–236) носителями русского языка не осознаются; при этом «в совр<еменном> языковом сознании слово *мат* ассоциируется с *мать, материться, матерный*» (Вечеслова 2007: 91). Синонимы *мата* — «*матерная брань*», «*материца*», а человек, использующий мат — «*материциник*». Но если по-русски *материца* — это ‘грубая (матерная) брань’, то по-чешски и по-словацки *materština* (чеш.), *materčina* (слов.) — это ‘материнская речь, родной язык’, а по-словенски *materščina* — это вообще ‘(всё) материнское’ (Там же: 99).

Семантическое развитие прилагательного *матерный1* ‘материнский’ → *матерный2* ‘грубый, оскорбительный’ (Там же: 98) стало возможным благодаря ассоциациям *мата* с *матерью*, которые имеют не только паронимический, но и метонимический характер: прагматико-семантическое ядро русского мата составляют выражения «*ёб твою мать*» и «*ебёна мать*». Эти формулы, забыв о своем языческом прошлом (см. Успенский 1994), тесно сплелись в речевом сознании, образовав Главное Русское Ругательство, «русский титул» (как называл его Пушкин) (Пушкин 1937, XIII: 126), долгое время остававшееся едва ли не единственным собственно бранным матерным выражением. Оно первым начало употребляться фигурально — в отличие от прочих матерных слов и словосочетаний, которые использовались преимущественно в прямом, материальном смысле.

Таким образом, «русский титул» открыл всей матерной лексике и фразеологии путь к расцвету — торную дорогу к бранной инвективности и ситуативной многозначности, столь характерной для современного мата. Вместе с тем некоторые матерные слова ушли из активного обихода (*елда́, шахна́, манда́* — сохранившаяся, впрочем, в составе слова *мандаво́шка*³), а многие словосочетания просто забылись и лишь теперь обнаруживаются в берестяных грамотах, вызывая любопытство и недоумение у лингвистов («*пеи пизда и съкыле*», «*гуска сологал гуска гозу юбае*») (Зализняк, Янин 2006: 8–12; Антропов 2021)⁴. Место же Главного Русского Ругательства в XX столетии заняло короткое, ёмкое и смачное слово *хуй*⁵. На заборах теперь пишут именно его, а не полузабытую «*ебёну мать*». Кроме того, матерная фразеология мультиплицировалась и обрела невиданное разнообразие — как словообразовательное, так и семантическое. В ряду лексико-семантических новообразований особое место занимает слово *муда́к* (подробнее о его происхождении см. в статье И. А. Пильщикова). Существенной социолингвистической характеристикой этого слова является быстрорастущая частота его употребления, сперва в единственном, а теперь и во множественном числе (ср. «*как заеба́ли все эти мудаки́*»).

³ См. о них экскурсы 1–3 в приложении к настоящей статье.

⁴ См. обсуждение этих и других примеров в статьях И. А. Пильщикова и Д. Иоффе в наст. изд.

⁵ Ср. тщательно и даже любовно написанную «народно-академическую» статью «Йух»: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/947877>

Все перечисленные проблемы активно обсуждаются в предлагаемом читательницам и читателям блоке статей.

В статье И. А. Пильщикова мат описывается с синхронической и диахронической точек зрения. В ней показано, как от века к веку эволюционировала семантика и прагматика русского мата, как менялся лексический и фразеологический состав матерного пула и как развивались новые продуктивные словообразовательные («матообразующие») модели. Лингвистическая история мата (XII–XXI вв.) дополняется его литературной историей (XVIII–XX вв.).

Статья А. К. Жолковского представляет собой расширенное переиздание его давней — уже можно сказать, классической — статьи об обценной паремии «Нам, татарам, всё равно...», которая проанализирована как мини-шедевр фольклорного искусства. Во второй части публикации изложена и прокомментирована причудливая история цензурирования, нецензурирования и частичного цензурирования матерной лексики в текстах автора за последние три десятилетия.

Мат перформативен и полисемантичен. Перформативен он уже в том смысле, что «произнося матерное слово или словосочетание, говорящий не только грубо выражается, но и поступает грубо (в смысле остиновской теории речевых актов)»⁶. Ситуативная многозначность и перформативная прагматика русского мата — предмет статьи Д. Иоффе, который описывает современный мат как радикально полисемантическую практику речевого «стёба», доводящую смысл почти каждого матерного высказывания до загадочной абсурдности.

Заключительные статьи посвящены перформативным и коммуникативным стратегиям двух современных мастеров матерного слова. Ю. Левинг разбирает словесные и визуальные тексты Сергея Шнурова и группировки «Ленинград», а В. С. Отяковский анализирует поэтику и литературный генезис экспериментального поэтического проекта группы авторов, укрывшихся за псевдонимом «Лейтенант Пидоренко В. П.». В соответствии с тенденциями эпохи создатели художественных текстов превращают себя в бренды, причем оба бренда — «Шнур» и «Пидоренко» — немислимы без мата.

Надеюсь, что публикуемый блок статей значительно расширит сферу фундаментального лингвистического и культурологического изучения русской обценной идиоматики и таким образом внесет вклад в развитие научной традиции, начатой в свое время А. Н. Афанасьевым, И. А. Бодуэном-де-Куртенэ, М. Р. Фасмером и продолженной Б. А. Успенским, Ю. И. Левиным, М. И. Шапиром и другими исследователями.

⁶ «Usually, mat is primarily performative: by pronouncing a *mat*-word or phrase, the speaker not only expresses something in a vulgar way, but also acts vulgarly (in the sense of Austin's speech acts)» (Doleschal, Schmid 2001: 275; ср. Левин 1986: 61–62). См. также относительно недавнюю работу о перформативной прагматике и речевых актах: Kissine 2013.

В качестве дополнения предлагаем три экскурса о матерных словах с сомнительной этимологией (по этой причине они не включены в обзор достоверных гипотез о происхождении русских матерных лексем, представленный в статье И. А. Пильщикова, публикуемой в нашем блоке).

Экскурс 1. *Манда, мандавошка*

Мандаво́шка или *мандово́шка* ('pediculus pubis') — это полонизм (из *mądoweszka / mądowieszka / mandawieszka* и др., см. SJP 1902: 933, 871), где первый корень *mąd-/męd-* — тот же, что в старопольском *mądo/mędo*, который соответствует восточнославянскому *мудо* < **mądo* ('testiculus'), так что «правильным русским, восточнославянским рефлексом этой праславянской формы было бы незасвидетельствованное **мудовошка* (ср. *мудé* 'testiculi')» (Трубачев 1965: 134, примеч. 15; ср. ЭССЯ 1994, 20: 126).

В русском языке при двойственном числе *муды́* появляется вторичное множественное *мудá* и *муды́* (подробнее см. в статье И. А. Пильщикова). В старопольском, при аналогичном дв. ч. *mądzie*, было две альтернативных формы единственного и множественного числа: форма среднего рода *mądo* (ед. ч.), *mąda* (мн. ч.) и форма женского рода *mąda* (ед. ч.), *mądy* (мн. ч.) (SJP 1902: 909–910, Długosz-Kurczabowa 2012). Можно предположить, что русское *мандá* 'cunnus' либо возникло в результате переосмысления слова *mąda* (жен. р.) как обозначения не мужских, а женских гениталий, либо представляет собой обратное образование от *мандаво́шка* с тем же переосмыслением значения первого корня. Если это так, интересно было бы найти другие примеры подобных гендерных сдвигов.

Всё это, конечно, довольно гипотетично, но другие этимологии *манды* еще менее убедительны.

М. Фасмер принял этимологию, предложенную А. Брюкнером — из деминутива *Manda* от имени *Magdalena* с чешскими параллелями: *paní manda* 'задница' и *manda* 'грешница; потаскуха' (Brückner 1914: 217; Фасмер 1967, II: 567; см. также Трубачев 1965: 134). Оба значения очевидным образом объясняются семантическими ассоциациями имени Марии Магдалины; в качестве параллели к чеш. *paní manda* Брюкнер приводит польск. *grzesznica, grzeszna pani* с тем же значением 'anus, podex'⁷. Однако у рус.

⁷ «Sogar Körperteile werden Personennamen bezeichnet, poln. *maciek* (Matthias) heißen Eingeweide; *dorotka* ist (16. Jahrhundert) der Blinddarm; *paní manda* (Magdalena) ist böhm. *podex* (poln. *stara pani* dass<elbe>, aus einer Verwechslung von *anus* und *anus*, sondern auf heimischem Boden entstanden, hieß früher *grzesznica, grzeszna pani* „Sünderin“), dieselben *dorotka* und *manda* werden auch für „Dirne, Metze“ verwendet; russ. *manda* ist cunnus. Willkür, Laune, Zufall herrschen hier unbeschränkt» (Brückner 1914: 217). С «*грешной пани*» ср. «*грешную дыру*» в стихотворении Пушкина «Ты и я»:

Афедрон ты жирный свой
Подтираешь коленкором;
Я же *грешную дыру*
Не балую детской модой

манда ‘cunnus’ отсутствует содомическая семантика. (Не)возможность семантической трансформации ‘ānus’ > ‘cunnus’ Брюкнер не рассматривает, а параллельное образование здесь вряд ли возможно, поскольку в русском обиходе нет ни деминутива *Мáнда*, ни самого имени *Магдалена/Магдалина*.

Е. С. Отин видел в слове *манда́* эвфемизм базового матерного термина *пизда́*, образованный путем контаминации с корнем *-ман-*: «Его мотивирующим словом стал глагол *манити/манить* ‘привлекать чем-л., завлекать, заманивать’, т. е. *манда* — это то, что соблазняет, обольщает» (Отин 2002: 267). Эту этимологию упрощенно пересказал А. Ю. Плущер-Сарно в интервью журналу *Огонёк* (Плущер-Сарно 2002: 28) и в первой из «Заметок о русском мате» (Плущер-Сарно 2005а: 163), однако десятью страницами ниже в четвертой «Заметке» сам же назвал отинскую гипотезу «спорной» (Плущер-Сарно 2005а: 173).

С *мандой* ассоциативно-паронимически связан ее синоним *шмóндя* (см. о нем, в частности, Беликов 2004: 30) и нек. др. (их филиация — тема для отдельного исследования).

Экскурс 2. *Елда, елдак, подьелдыкивать*

Считается, что рус. *елда́* ‘mentula’ якобы восходит к перс. *یالدآ* (*yaldā*) ‘ночь накануне зимнего солнцестояния’ (Фасмер 1967, II: 13, дополнение О. Н. Трубачева). Эту весьма гипотетическую этимологию предложил востоковед В. Ф. Минорский: «*Yaldā* — символ долгой темной ночи. Саади сравнивает с ней фигуру высокого мавра (the stature of a tall negro). Такое уподобление объясняет непристойное использование этого заимствованного слова в русском языке» (Minorsky 1945: 571). С этимологией Минорского согласился Р. О. Якобсон (Jakobson 1952: 389), но его ученик Хорас Лант высказал по ее поводу обоснованные, хотя и сдержанные сомнения:

Предложенная Минорским <...> загадочная связь с персидским *yalda* ‘самая длинная зимняя ночь’ представляется мне довольно слабой. Однако Якобсон принимает ее; по его воспоминаниям, когда он обсуждал ее с Минорским, тот продемонстрировал устойчивую связь <елды в русском языке> с понятием длины <...>⁸. Омелян Прицак сообщил мне, что, по мнению одного персидского этимолога, слово *yalda* пришло в персидский язык из сирийского и обозначает конкретно ночь Рождества Христова, ср. семитское *yld/wld* ‘родить, произвести на свет’. Хотелось бы иметь более конкретные сведения об употреблении этого слова в иранском языке и его распространении в русском⁹.

И Хвостова жесткой одой,
Хоть и морщуся, да тру.

(Пушкин 1947, II.1: 130)

⁸ Минорский и Якобсон почему-то считали, что точное значение слова *елда* в русском языке — не просто ‘мужской половой член’, а ‘большой, длинный (и толстый?) мужской половой член’.

⁹ «The relationship cryptically suggested by Minorsky <...> to Persian *yalda* ‘longest night of winter’ seems rather tenuous to me. However, Jakobson accepts it, recalling that Minorsky

Ирано-семитская этимология, о которой пишет Лант, считается ныне общепринятой: для обозначения праздника Шáb-е Ялда, который приходится на 20-е числа декабря по европейскому календарю, персы начали использовать слово, которым их соседи-христиане называли Рождество (Krasnowolska 1999: 56; и др.). Если обсуждаемая славяно-иранская этимология, несмотря на ее неправдоподобие, всё же верна, то для диахронической семантической реконструкции бесполезны сведения об упомянутом семитском корне y-l-d , прямо связанном с деторождением. Помимо сир. ܝܠܕܐ (*yaldā*) ‘роды; рождество’, ивр. יָלַד (*yéled*) ‘сын, мальчик’ и יָלְדָה (*yaldá*) ‘дочь, девочка’ и т. п., этот корень входит, например, в состав имени главного гностического демиурга-архонта *Yaldabaoth*, которое травестирует имя *Sabaoth* и допускает различные толкования: либо ‘сын хаоса’, либо ‘(по)родитель Сил’; возможно также, что это акроним, обыгрывающий созвучие с корнем *y-l-d* (Dan 1998). Изображения Ялдабаота (Ялдаваофа), подобные изображению на гностической гемме, которая была впервые воспроизведена в собрании основателя современной археологии Бернара де Монфокона¹⁰, входят в ряд древних офиолатрических и фаллических символов:

При всем том, совершенно неясно, как семитский корень мог попасть на русскую почву и получить соответствующее семантическое развитие. Гипотетическое персидское посредничество ничего не объясняет и даже, скорее, мешает.

Что касается ивр. יָלַד (*yéled*), то, вероятно, к этому этимону восходят (через посредство идиш) польское и русское общеуголовное *jold / jolt / ёлд / ёлда* ‘1. человек, не принадлежащий к воровскому миру, не-вор, жертва вора; 2. начинающий преступник’ (Трахтенберг 1908: 13; Потапов 1927: 48; Ларин 1931: 122; Фридман 1931: 137; Stępniaк 1993: 203; *pace* Вершик 2003: 138, примеч. 3). Здесь возникает еще одна загадка — идишское *joldák*

discussed the latter with him and demonstrated a consistent connection with the notion of length [...]. Omeljan Pritsak informs me that a Persian etymologist believes *yalda* came into Persian from Syriac, and refers specifically to the night of Christ’s birth, cf. the Semitic *yld/wld* ‘give birth, beget’. One wishes for more specific information as to the use of the word in Iranian and its distribution in Russian» (Lunt 1977: 176, note 9).

¹⁰ Bernard de Montfaucon. *L’antiquité expliquée et représentée en figures*. Vols. 1–15. Paris, 1719–1724.

и гипотетическая возможность реконструкции той же этимологической цепочки с точностью «до наоборот». По мнению Эдварда Станкевича, идиш. *jold* не является трансформацией ивр. *yéled* (pace Weinreich 1973: 333), а представляет собой обратное образование от *joldák*, которое, в свою очередь, восходит к рус. *елда* через форму с расширением на *-к* (*елда́к*) в переносном значении ‘никчемный человек’. Станкевич делает ненужное предположение, что расширение русского *елда* славянским суффиксом *-(а)* произошло уже на еврейской почве (по-видимому, русское слово *елда́к*, в отличие от *елда*, не было ему известно)¹¹. Впрочем, всё это больше похоже на досужие домыслы, чем на научную этимологию.

Существительное *елда́к* было столь же активно в языке XVIII — начала XIX века, как *елда*, но потом сошло на нет. А вот однокоренной глагол *подъялдыкивать* / *подъялдыкивать* (‘подшучивать, подтрунивать’, ср. *подъябывать* / *подъябывать*) так, наверное, и остался бы в закромах диалектных словарей (ср. ПОС 2020: 385), если бы, появившись в романе Ф. Панфёрова *Бруски*, не вызвал критику М. Горького («По поводу одной дискуссии», 1934):

Речевые капризы нашей страны весьма многообразны. Задача серьезного литератора сводится к тому, чтобы отсеять, отобрать из этого хаоса наиболее точные, емкие, звучные слова, а не увлекаться хламом вроде таких бессмысленных словечек, как «подъялдыкивать», «базынить», «скукоживаться» и т. д. (Горький 1937: 136)

В советское время редкий учебник или хрестоматия по истории литературного языка обходились без этой цитаты.

Экскурс 3. *Шахна*

В отличие от *манды*, *елды* и *елдака*, слово *шахна́* ‘pussy, vagina’ (Drummond, Perkins 1980: 72) не встречается ни в *Девичьей игрушке*, ни в «заветных» сказках и пословицах; нет его и в бодуэновских дополнениях к словарю Даля. Иначе говоря, эта лексема появилась в середине прошлого столетия и вышла из употребления к его концу. Происхождение рус. *шахна́* неизвестно. Один из авторов настоящего предисловия предполагает здесь влияние еврейского сакрального термина *шехина́*, שְׁכִינָה отглагольное существительное от שָׁכַן [šakān] ‘пребывать’, обозначающего ‘божественное присутствие’. Также созвучно с *шахной* однокоренное ивритское слово שְׁחֵנָה (*шхена́*), которое означает ‘соседка, ближняя, пребывающая рядом женщина’. Известно присловье изучающих Тору «мы делаем всё ради *Шхины* (‘Вс-вышнего’), а не для *шхены* (‘ближней своей’))».

Любителям русской литературы *шахна* памятна по двум стихотворениям Иосифа Бродского, в первом из которых можно подозревать каламбур «*шахна* ~ *шхена*»: «Вдалеке воронье гнездо как шахна еврейки, / с которой

¹¹ «The noun *joldák* is, according to Weinreich, a Yiddish back-formation with the suffix *-ák* from the Hebrew plural *jeladim* → *jóld* (in place of the regular *jeled*). I am, however, inclined to believe that it is a derivative with *-k* from the Russ. root *eldá* ‘a useless fellow’, and that *jold* is a back-formation from *jeldák*» (Stankiewicz 1993: 224).

был в молодости знаком, /но, спасибо, расстались» («Резиденция», 1987) и «“Влез рукой в шахну, знакомясь”» («Представление», 1990). Единственный пример на слово *шахна* в Национальном корпусе русского языка: «Чтоб вас всех козлов на этом свете шахной накрыло!» (Василий Аксенов, цикл рассказов *Негатив положительного героя*, 1996).

Самое раннее из найденных нами словоупотреблений датируется 1957–1959 гг. — «Шахной накрылся отпуск летний» в пародийной песне студентов истфака ЛГУ, сообщенной К. Кузьминским В. Козловскому в письме от 01.12.1980 (Козловский 1982: 386, примеч. к тексту № 20 из раздела «Переименования популярных песен»). Это пародия на песню «Стальная эскадрилья» («Там где пехота не пройдет /И бронепоезд не промчится...»), ставшую популярной после исполнения ее главным героем комедии «Максим Перепелица» (1955). Приводим здесь эту малоизвестную пародию, опирающую студентов на военных сборах:

Так ты толкуй иль не толкуй,
Шахной накрылся отпуск летний.
Наш генерал — моржовый хуй
Сдурел на службе многолетней.

Ты, дорогая, не ревнуй,
Я занимаюсь онанизмом:
На здешних баб не встанет хуй
С любым подъемным механизмом.

Приведенная цитата дает *terminus ante quem* и для обценного фразеологизма «*пиздой накрыться*» ‘сломаться, прийти в негодность; не реализоваться; перестать существовать’ (см. примеры: Баранов, Добровольский 2005: 157–158; Плущер-Сарно 2005б: 141–145).

Позднее происхождение *шахны* позволяет подозревать в ней регионализм или социолектизм. Возможно, это слово мигрировало в общее употребление из криминального арго, в котором, кстати сказать, нередки еврейские (ивритские и идишские) элементы (Фридман 1931). Это объясняло бы его актуализацию в 1930-е — 1950-е годы, когда в сталинских лагерях произошло вынужденное сближение народных масс с криминальным миром¹². Однако слова *шахна* еще нет в словаре, составленного для внутреннего пользования НКВД (Потапов 1927); оно появляется в милицеском словаре почти полвека спустя (Воривода 1971: 23).

В современном языковом сознании полузабытая *шахна* связывается соотношением паронимической аттракции со словом *шахиня* (‘супруга шаха’); ср. также «народно-этимологическую» словообразовательную параллель «*князь : княжна*» ~ «*шах : шахна*» (вместо *шаховна*) на фоне «*князь : княгиня*» ~ «*шах : шахиня*». Возникающий здесь архетип хорошо знаком по сказочному образу «Царь-девицы» из афанасьевских сказок. Царь-Девушка в одноименном стихотворении Бальмонта (1909) «преподносит» лири-

¹² Ср. близкие примеры в статье И. А. Пильщикова в наст. изд.

ческому герою «могучий рог, изогнутый и полный», прозрачно-символически замещая огромную вагину. В современной матерной речи, наоборот, слово *пизда* может употребляться как синекдоха, замещая женщину¹³.

ЛИТЕРАТУРА

- Антропов Н. П. «Гуска сологая» в свете полногласных сочетаний модели **telt*». *Слова, конструкции и тексты в истории русской письменности: Сборник статей к 70-летию академика А. М. Молдована*. М.; СПб.: Нестор-История, 2021: 413–431.
- Афанасьев А. Н. *Народные русские сказки не для печати, заветные пословицы и поговорки, собранные и обработанные А. Н. Афанасьевым, 1857–1862*. Изд. подгот. О. Б. Алексеева, В. И. Еремина, Е. А. Костюхин, Л. В. Бессмертных. М.: Ладомир, 1997.
- Баранов А. Н., Добровольский Д. О. (сост.). Василий Буй. *Русская заветная идиоматика: Веселый словарь народных выражений*. Ред.: д. ф. н., проф. А. Н. Баранов и д. ф. н., проф. Д. О. Добровольский. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Альта-Принт, 2005.
- Беликов В. И. «Сравнение Петербурга с Москвой и другие соображения по социальной лексикографии». *Русский язык сегодня 3: Проблемы русской лексикографии*. Отв. ред. д. ф. н., проф. Л. П. Крысин. М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2004: 23–38.
- Богомолов Н. А. (сост.) *Анти-мир русской культуры: Язык. Фольклор. Литература*. М.: Ладомир, 1996.
- Бодуэн-де-Куртенэ И. А. «Замечания о русско-польском словаре» [1875]. Перевела с польского А. М. Кузнецова. Предисловие А. А. Леонтьева. *Лексикографический сборник*. Вып. VI. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1963: 139–147.
- Вершик Анна. «О русском языке евреев». *Welt der Slaven* 48.1 (2003): 135–148.
- Вечеслова Г. Л. «Мат (нецензурная ругань)»; «Материть»; «Матерный»; «Матерщина». *Этимологический словарь русского языка*. Под ред. А. Ф. Журавлева и Н. М. Шанского. Вып. 10. М.: Издательство Московского университета, 2007: 91, 97, 98, 99.
- Волков А. Д. *Заветные частушки из собрания А. Д. Волкова*. Изд. подгот. А. В. Кулагина. Т. 1–2. М.: Ладомир, 1999.
- Воривода И. П. *Сборник жаргонных слов и выражений, употребляемых в устной и письменной речи преступным элементом*. Алма-Ата, 1971.
- Горький М. *О литературе: Статьи и речи, 1928–1936*. 3-е изд., доп. М.: Сов. писатель, 1937.
- Жельвис В. И. (ред.). «Злая лая матерная...». Сборник статей. М.: Ладомир, 2005.
- Зализняк А. А., Янин В. Л. «Берестяные грамоты из новгородских раскопок 2005 г.» *Вопросы языкознания* 3 (2006): 3–13.
- Зорин А. Л. «Легализация обсценной лексики и ее культурные последствия». *Анти-мир русской культуры: Язык. Фольклор. Литература*. Сост. Н. А. Богомолов. М.: Ладомир, 1996: 121–139.
- Зорин А. Л., Панов С. И. (ред.). *Девичья игрушка, или Сочинения господина Баркова*. Изд. подгот. А. Зорин и Н. Сапов [С. И. Панов]. М.: Ладомир, 1992.
- Калюков Е. «Путин ответил на вопрос Шнурова о способах описания жизни без мата». *РБК: Общество*, 17.12.2020. <https://www.rbc.ru/society/17/12/2020/5fdb30b19a79477f94345257>
- Кожевников А. Ю. *Большой синонимический словарь русского языка. Речевые эквиваленты: практический справочник*. Т. 2. СПб.: Нева, 2003.
- Козловский Владимир (сост.). *Новая неподцензурная частушка*. New York: Russica Publishers, 1982.
- Ларин Б. А. «Западноевропейские элементы русского воровского арга». *Язык и литература*. Т. VII. Л.: Научно-исследовательский институт речевой культуры, 1931: 131–138.

¹³ О многозначности матерных слов см. специальную статью Д. Иоффе в наст. изд.

- Левин Ю. И. «Об обсценных выражениях русского языка». *Russian Linguistics* 10.1 (1986): 61–72.
- Мокиенко В. М. «Русская бранная лексика: Цензурное и нецензурное». В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. *Словарь русской брани: матизмы, обсценизмы, эвфемизмы*. СПб.: Норинт, 2003: 10–61.
- Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. *Словарь русской брани: матизмы, обсценизмы, эвфемизмы*. СПб.: Норинт, 2003.
- Отин Е. С. «Из новых материалов к “Словарю русской субстандартной лексики”». *Восточно-украинский лингвистический сборник*. Вып. 8. Донецк: Донеччина, 2002: 257–272.
- Пильщиков И. А., Шапир М. И. *А. С. Пушкин. Тень Баркова: Тексты. Комментарии. Экскурсы*. Изд. подгот. И. А. Пильщиков и М. И. Шапир. М.: Языки славянской культуры, 2002.
- Плущер-Сарно А. Ю. *Большой словарь мата*. Т. 1: *Опыт построения справочно-библиографической базы данных лексических и фразеологических значений слова «хуй»*. Материалы к словарю русского мата. СПб.; М.: Лимбус Пресс, 2001.
- Плущер-Сарно А. Ю. «3 этажа народной этики». *Огонёк* № 31 (4759), 5 августа (2002): 26–29.
- Плущер-Сарно А. Ю. «Заметки о русском мате». «Злая лая матерная...». Сборник статей под ред. В. И. Жельвиса. М.: Ладомир, 2005а: 162–205.
- Плущер-Сарно А. Ю. *Большой словарь мата*. Т. 2: *Опыт построения справочно-библиографической базы данных лексических и фразеологических значений слова «пизда»*. СПб.; М.: Лимбус Пресс, 2005б.
- ПОС = *Псковский областной словарь с историческими данными*. Под ред. Л. А. Ивашко, Е. Б. Кузьминой, И. С. Лутовиновой, М. А. Тарасовой. Вып. 28. СПб.: Издательство СПбГУ, 2020.
- Потапов С. М. *Словарь жаргона преступников (блатная музыка)*. Составил по новейшим данным С. М. Потапов. М.: НКВД, 1927.
- Пушкин [А. С.] *Полное собрание сочинений*. Т. I–XVI. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1937–1949.
- Россомахин А., Замятина О. «Как сделана “Машина” Шнурова (К дешифровке эсхатологического восторга)». *Зборник Майице срїске за славистику* 98 (2020): 128–143.
- Топорков А. Л. *Русский эротический фольклор*. Сост. и науч. ред. А. Л. Топорков. М.: Ладомир, 1995.
- Трахтенберг В. Ф. *Блатная музыка («Жаргон» тюрьмы)*. Под ред. и с предисл. проф. И. А. Бодуэн-де-Куртенэ. СПб., 1908.
- Трубачев О. Н. «Этимологические мелочи». *Этимология* 1964. М.: Наука, 1965: 131–134.
- Трубачев О. Н. «Из работы над русским Фасмером: К вопросам теории и практики перевода». *Вопросы языкознания* 6 (1978): 15–24.
- Успенский Б. А. «Мифологический аспект русской экспрессивной фразеологии». Б. А. Успенский. *Избранные труды*. Т. 2: *Язык и культура*. М.: Гнозис, 1994: 53–128.
- Фасмер М. *Этимологический словарь русского языка*. Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. Т. I–IV. М., 1964–1973.
- Фридман М. М. «Еврейские элементы “блатной музыки”». *Язык и литература*. Т. VII. Л.: Научно-исследовательский институт речевой культуры, 1931: 131–138.
- ЭССЯ = *Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд*. Под ред. чл.-корр. АН СССР О. Н. Трубачева. М.: Наука, 1990. Вып. 17; 1993. Вып. 18.
- Brückner A. “Miszellen”. *Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der Indogermanischen Sprachen* 46.3 (1914): 193–217.
- Dan Joseph. “Yaldabaoth and the Language of the Gnosis”. Joseph Dan. *Jewish Mysticism: Late Antiquity*. Vol. 1. Northvale, N. J.; Jerusalem: Jason Aronson, 1998: 311–321.
- Długosz-Kurczabowa Krystyna. “Mędrały i mendy”. *Poradnia Językowa PWN: etymologia*, 06.02.2012. <https://sjp.pwn.pl/poradnia/haslo/12829>
- Doleschal Ursula, Schmid Sonja. “Doing gender in Russian: Structure and perspective”. *Gender Across Languages: The linguistic representation of women and men*. Edited by Marlis Hellinger and Hadumod Bußmann. Vol. 1. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2001: 253–282.
- Drummond D. A., Perkins G. *Dictionary of Russian Obscenities*. Second, revised edition. Berkeley, CA: Berkeley Slavic Specialties, 1980.

- Jakobson Roman. "New Slavic Etymological Dictionaries". *Word* 8.4 (1952): 387–394.
- Jakobson Roman. "While Reading Vasmer's Dictionary". *Word* 11.4 (1955): 611–617.
- Kauffman Charles A. "A Survey of Russian Obscenities and Invective Usage". *Maledicta* 4.2 (1980): 261–289.
- Kissine Mikhail. *From Utterances to Speech Acts*. Cambridge: Cambridge University Press, 2013.
- Krasnowolska Anna. "Šab-e Čella". *Folia Orientalia* 35 (1999): 55–74.
- Lunt Horace G. "Slavic **ǰbgra* 'Dance, Game, Play'." *Papers in Slavic Philology* 1. In *Honor of James Ferrell*. Edited by Benjamin A. Stolz. Ann Arbor: Michigan Slavic Publications, 1977: 172–177.
- Minorsky V. "Khāqānī and Andronicus Comnenus". *Bulletin of the School of Oriental and African Studies, University of London* 11.3 (1945): 550–578.
- SJP = *Słownik języka polskiego*. Ułożony pod redakcją Jana Karłowicza, Adama Kryńskiego i Władysława Niedoźwiedzkiego. T. II. Warszawa: Nakładem prenumeratorów i kasy im. Mianowskiego, 1902.
- Stankiewicz Edward. "The Slavic Determinant in Yiddish Morphology". *Jews & Slavs*. Vol. 1. Edited by Wolf Moskovich, Shmuel Shwarzband, Anatoly Alekseev. Jerusalem; St. Petersburg: Nauka, 1993: 218–230.
- Stępiak Klemens. *Słownik tajemnych gwar przestępczych*. Współpraca: Zbigniew Podgórzec. Londyn: Puls, 1993.
- Weinreich (וויינרײך) Max. מעטאָרן. פּאַקטן. באַגריפן. שפּראַך: װײַזשער פּון דער געשיכטע פּון דער. Vol. 4. New York, 1973.

LITERATURE

- Antropov N. P. "Guska sologaia' v svete polnoglasnykh sochetanii modeli **telʹ*". *Slova, konstruktii i teksty v istorii russkoi pis'mennosti: Sbornik statei k 70-letiiu akademika A. M. Moldovana*. M.; SPb.: Nestor-Istoriia, 2021: 413–431.
- Afanas'ev A. N. *Narodnye russkie skazki ne dlia pečati, zavetnye poslovitsy i pogovorki, sobrannye i obrabotannye A. N. Afanas'evym, 1857–1862*. Izd. podgot. O. B. Alekseeva, V. I. Eremina, E. A. Kostiukhin, L. V. Bessmertnykh. M.: Ladomir, 1997.
- Baranov A. N., Dobrovol'skii D. O. (eds.). Vasilii Bui. *Russkaia zavetnaia idiomatika: Veselyi slovar' narodnykh vyrazhenii*. Red.: d. f. n., prof. A. N. Baranov i d. f. n., prof. D. O. Dobrovol'skii. Izd. 2-e, ispr. i dop. M.: Al'ta-Print, 2005.
- Baudouin-de-Courtenay I. A. "Zamechania o russko-pol'skom slovare" [1875]. *Perevela s pol'skogo A. M. Kuznetsova. Predislovie A. A. Leont'eva. Leksikograficheskii sbornik*. Vyp. VI. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo inostrannykh i natsional'nykh slovarei, 1963: 139–147.
- Belikov V. I. "Sravnenie Peterburga s Moskvoi i drugie soobrazheniia po sotsial'noi leksikografii". *Russkii yazyk segodnia 3: Problemy russkoi leksikografii*. Otv. red. d. f. n., prof. L. P. Krysin. M.: Institut russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova RAN, 2004: 23–38.
- Bogomolov N. A. (ed.). *Anti-mir russkoi kul'tury: Yazyk. Fol'klor. Literatura*. M.: Ladomir, 1996.
- Brückner A. "Miszellen". *Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der Indogermanischen Sprachen* 46.3 (1914): 193–217.
- Dan Joseph. "Yaldabaoth and the Language of the Gnosis". Joseph Dan. *Jewish Mysticism: Late Antiquity*. Vol. 1. Northvale, N.J.; Jerusalem: Jason Aronson, 1998: 311–321.
- Długosz-Kurczabowa Krystyna. "Mędrały i mendy". *Poradnia Językowa PWN: etymologia*, 06.02.2012. <https://sjp.pwn.pl/poradnia/haslo/12829>
- Doleschal Ursula, Schmid Sonja. "Doing gender in Russian: Structure and perspective". *Gender Across Languages: The linguistic representation of women and men*. Edited by Marlis Hellinger and Hadumod Bußmann. Vol. 1. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2001: 253–282.
- Drummond D. A., Perkins G. *Dictionary of Russian Obscenities*. Second, revised edition. Berkeley, CA: Berkeley Slavic Specialties, 1980.
- ESSYa = *Etimologicheskii slovar' slavianskikh yazykov: Praslavianskii leksicheskii fond*. Pod red. chl.-korr. AN SSSR O. N. Trubacheva. M.: Nauka, 1990. Vyp. 17; 1993. Vyp. 18.
- Fridman M. M. "Evreiskie elementy 'blatnoi muzyki'." *Yazyk i literatura*. T. VII. L.: Nauchno-issledovatel'skii institut rechevoi kul'tury, 1931: 131–138.

- Gorky [Gor'kii] M. *O literature: Stat' i rechi, 1928–1936*. 3-e izd., dop. M.: Sov. pisatel', 1937.
- Jakobson Roman. "New Slavic Etymological Dictionaries". *Word* 8.4 (1952): 387–394.
- Jakobson Roman. "While Reading Vasmer's Dictionary". *Word* 11.4 (1955): 611–617.
- Kaliukov E. "Putin otvetil na vopros Shnurova o sposobakh opisaniia zhizni bez mata". *RBK: Obshchestvo*, 17.12.2020. <https://www.rbc.ru/society/17/12/2020/5fdb30b19a79477f94345257>
- Kauffman Charles A. "A Survey of Russian Obscenities and Invective Usage". *Maledicta* 4.2 (1980): 261–289.
- Kissine Mikhail. *From Utterances to Speech Acts*. Cambridge: Cambridge University Press, 2013.
- Kozhevnikov A. Yu. *Bol'shoi sinonimicheskii slovar' russkogo yazyka. Rechevye ekvivalenty: prakticheskii spravochnik*. T. 2. SPb.: Neva, 2003.
- Kozlovskii Vladimir. *Novaiia nepodtsenzurnaia chastushka*. New York: Russica Publishers, 1982.
- Krasnowolska Anna. "Šab-e Ćella". *Folia Orientalia* 35 (1999): 55–74.
- Larin B. A. "Zapadnoevropeiskie elementy russkogo vorovskogo argo". *Yazyk i literatura*. T. VII. L.: Nauchno-issledovatel'skii institut rechevoi kul'tury, 1931: 113–130.
- Levin Yu. I. "Ob obstsennykh vyrazheniakh russkogo yazyka". *Russian Linguistics* 10.1 (1986): 61–72.
- Lunt Horace G. "Slavic *jьgra 'Dance, Game, Play'." *Papers in Slavic Philology* 1. In *Honor of James Ferrell*. Edited by Benjamin A. Stolz. Ann Arbor: Michigan Slavic Publications, 1977: 172–177.
- Minorsky V. "Khāqān and Andronicus Comnenus". *Bulletin of the School of Oriental and African Studies, University of London* 11.3 (1945): 550–578.
- Mokienko V. M. "Russkaia brannaia leksika: Tsenzurnoe i netsenzurnoe". V. M. Mokienko, T. G. Nikitina. *Slovar' russkoi brani: matizmy, obstsennyzy, evfemizmy*. SPb.: Norint, 2003: 10–61.
- Mokienko V. M., Nikitina T. G. *Slovar' russkoi brani: matizmy, obstsennyzy, evfemizmy*. SPb.: Norint, 2003.
- Otin E. S. "Iz novykh materialov k 'Slovari russkoi substandartnoi leksiki'." *Vostochnoukrainskii lingvistsicheskii sbornik*. Vyp. 8. Donetsk: Donechchina, 2002: 257–272.
- Pil'shchikov I. A., Shapir M. I. *A. S. Pushkin. Ten' Barkova: Teksty. Kommentarii. Ekskursy*. Izd. podgot. I. A. Pil'shchikov i M. I. Shapir. M.: Yazyki slavianskoi kul'tury, 2002.
- POS = *Pskovskii oblastnoi slovar' s istoricheskimi dannymi*. Pod red. L. A. Ivashko, E. B. Kuz'minovi, I. S. Lutovinovi, M. A. Tarasovi. Vyp. 28. SPb.: Izdatel'stvo SPbGU, 2020.
- Potapov S. M. *Slovar' zhargona prestupnikov (blatnaia muzyka)*. Sostavil po noveishim dannym S. M. Potapov. M.: NKVD, 1927.
- Plutser-Sarno A. Yu. *Bol'shoi slovar' mata*. T. 1: *Opyt postroeniia spravочно-bibliograficheskoi bazy dannykh leksicheskikh i frazeologicheskikh znachenii slova «khuī»*. *Materialy k slovari russkogo mata*. SPb.; M.: Limbus Press, 2001.
- Plutser-Sarno A. Iu. "3 etazha narodnoi etiki". *Ogonek* № 31 (4759), 5 avgusta (2002): 26–29.
- Plutser-Sarno A. Yu. "Zametki o russkom mate". "Zlaia laia maternaia...". *Sbornik statei pod red. V. I. Zhel'visa*. M.: Lodomir, 2005a: 162–205.
- Plutser-Sarno A. Yu. *Bol'shoi slovar' mata*. T. 2: *Opyt postroeniia spravочно-bibliograficheskoi bazy dannykh leksicheskikh i frazeologicheskikh znachenii slova «pizda»*. SPb.; M.: Limbus Press, 2005b.
- Pushkin [A. S.] *Polnoe sobranie sochinenii*. T. I–XVI. M.; L.: Izdatel'stvo AN SSSR, 1937–1949.
- Rossomakhin A., Zamiatina O. "Kak sdelana 'Mashina' Shnurova (K deshifrovke eskhatologicheskogo vostorga)". *Matica Srpska Journal of Slavic Studies* 98 (2020): 128–143.
- SJP = *Słownik języka polskiego*. Ułożony pod redakcją Jana Karłowicza, Adama Kryńskiego i Władysława Niedźwiedzkiego. T. II. Warszawa: Nakładem prenumeratorów i kasy im. Mianowskiego, 1902.
- Stankiewicz Edward. "The Slavic Determinant in Yiddish Morphology". *Jews & Slavs*. Vol. 1. Edited by Wolf Moskovich, Shmuel Shwarzband, Anatoly Alekseev. Jerusalem; St. Petersburg: Nauka, 1993: 218–230.
- Stępnik Klemens. *Słownik tajemnych gwar przestępczych*. Współpraca: Zbigniew Podgórzec. Londyn: Puls, 1993.
- Toporkov A. L. *Russkii eroticheskii fol'klor*. Sost. i nauch. red. A. L. Toporkov. M.: Lodomir, 1995.

- Trakhtenberg V. F. *Blatnaia muzyka* ("Zhargon" tiur'my). Pod red. i s predisl. prof. I. A. Baudouinde-Courtenay. SPb., 1908.
- Trubachev O. N. "Etimologicheskie melochi". *Etimologiya* 1964. M.: Nauka, 1965: 131–134.
- Trubachev O. N. "Iz raboty nad russkim Fasmerom: K voprosam teorii i praktiki perevoda". *Voprosy yazykoznanii* 6 (1978): 15–24.
- Uspenskii B. A. "Mifologicheskii aspekt russkoi ekspressivnoi frazeologii". B. A. Uspenskii. *Izbrannye trudy*. T. 2: *Yazyk i kul'tura*. M.: Gnozis, 1994: 53–128.
- Vasmer M. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka*. Per. s nem. i dop. O. N. Trubacheva. T. I–IV. M., 1964–1973.
- Vecheslova G. L. "Mat (necenzurnaia rугan')"; "Materit"; "Maternyi"; "Matershchina". *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka*. Pod red. A. F. Zhuravleva i N. M. Shanskogo. Vyp. 10. M.: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 2007: 91, 97, 98, 99.
- Vershik Anna. "O russkom yazyke evreev". *Welt der Slaven* 48.1 (2003): 135–148.
- Volkov A. D. *Zavetnye chastushki iz sobraniia A. D. Volkova*. Izd. podgot. A. V. Kulagina. T. 1–2. M.: Ladomir, 1999.
- Vorivoda I. P. *Sbornik zhargonnykh slov i vyrazhenii, upotrebliaemykh v ustnoi i pis'mennoi rechi prestupnym elementom*. Alma-Ata, 1971.
- Weinreich, Max. *Geshikhte fun der yidisher shprakh: bagrifn, faktn, metodn*. Vol. 4. New York, 1973.
- Zalizniak A. A., Yanin V. L. "Berestianye gramoty iz novgorodskikh raskopok 2005 g." *Voprosy yazykoznanii* 3 (2006): 3–13.
- Zhel'vis V. I. (ed.). "Zlaia laia maternaia...". *Sbornik statei*. M.: Ladomir, 2005.
- Zorin A. L. "Legalizatsiia obstsennoi leksiki i ee kul'turnye posledstviia". *Anti-mir russkoi kul'tury: Yazyk. Fol'klor. Literatura*. Sost. N. A. Bogomolov. M.: Ladomir, 1996: 121–139.
- Zorin A. L., Panov S. I. *Devich'ia igrushka, ili Sochineniia gospodina Barkova*. Izd. podgot. A. Zorin i N. Sapov [S. I. Panov]. M.: Ladomir, 1992.

Игор Пильшичков, Денис Иофе

РУСКЕ ПСОВКЕ: ЈУЧЕ, ДАНАС, СУТРА

Резиме

Увод у „научно-опсцену збирку радова“ часописа *Зборник Мајнице српске за славистику* говори о околностима настанка ове јединствене скупине чланака посвећених темама које још увек нису постале предмет широке научне расправе. Осим уводног дела који говори о историји проучавања руских псовки, овде се разматрају и одређени језички и културни случајеви, који из ових или оних разлога нису били укључени у главне радове збирке текстова. Чланак садржи кратак преглед проблематике ових радова.

Кључне речи: псовке у руском језику, књижевности и култури, динамика социјалне функције псовки, прагматика, перформативност.